

УДК 321.02

А. А. Шевченко

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: shev@philosophy.nsc.ru

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ГРАЖДАНСТВО И ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ *

Рассмотрены современные подходы к пониманию гражданства, выделены основные тенденции – в частности, переход от трактовки гражданства как правового статуса к пониманию его как политического участия. Выявлены основные проблемы, связанные с такой сменой акцента: совместное производство общественных благ, существенное расширение представлений о сфере политического, понимание политического как сферы действия справедливости, перенос акцента с прав граждан на их взаимные обязательства, связанные с коллективным политическим участием.

Ключевые слова: политическое гражданство, участие, политическая сфера, общественные блага, справедливость, права, обязательства.

Начиная с 1990-х гг. в мире наблюдается заметный рост интереса к проблематике гражданства, формируется особая область исследований («citizenship studies»), растет количество зарубежных и отечественных публикаций на эту тему¹. Наиболее очевидными причинами растущего интереса к проблемам гражданства обычно называют процессы глобализации и европейской интеграции, обострение проблем, связанных с миграцией, ассимиляцией, процедурами включения / исключения, обретением идентичности. В последние десятилетия национальное государство постепенно теряет статус единственного политического партнера для своих граждан, мы наблюдаем расширение представлений о гражданстве и возможных способах самоорганизации и участия в политической жизни.

Наряду с гражданством, понимаемым как правовой *статус*, оно все чаще начинает восприниматься как *участие* в коллектив-

ных действиях, способ коллективной самоорганизации, в ходе которого индивиды и общественные группы приобретают или утрачивают соответствующие права и обязательства, добиваются достижения коллективных целей. Такое понимание смещает акценты с сугубо правового аспекта гражданства на нормы, практики, смыслы и способы обретения идентичности, самовыражения, способы коммуникации граждан друг с другом и с государством. В. Малахов так описывает это различие в подходах: «Взятое в ракурсе подданства, гражданство есть отношение между неким властным центром и индивидом, находящимся под его юрисдикцией. Быть гражданином в данном контексте означает нести определенные обязанности перед государством, а также пользоваться правами, связанными с предоставляемой государством защитой. Во втором случае (гражданство как участие) акцент смещается с юридического отноше-

* Работа выполнена при финансовой поддержке проекта партнерских фундаментальных исследований Президиума СО РАН (конкурс Б) № 26 «Новые парадигмы социального знания».

¹ Так, совсем недавно вышла книга отечественного исследователя Б. Капустина «Гражданство и гражданское общество», которая кроме размышлений автора и весьма содержательной вводной статьи В.С. Малахова содержит также перевод работы классика британской и мировой социологии Т. Маршалла под названием «Гражданство и социальный класс».

ния на политическое. Быть гражданином означает являться членом определенного политического сообщества и, следовательно, иметь право на участие в его жизни» [Малахов, 2011. С. 8–9]. При этом границы политического сообщества вовсе не обязательно совпадают с границами национальных государств.

Вместе с тем сдвиг интереса в исследованиях гражданства (от «статуса» к «участию») не отменяет того факта, что сама идея гражданского и политического участия переживает кризис. Важные симптомы такого кризиса политического гражданства – растущая апатия избирателей, а также уменьшение численного состава политических партий в разных странах мира (см., например: [Stoker et al., 2011. Ch. 1]). Это свидетельствует не только о разочаровании людей в существующей политической инфраструктуре, но и создает серьезные проблемы для функционирования тех государственных устройств, основой которых является именно партийная система и в которых отсутствует сложившаяся система альтернативных коммуникаций, позволяющая координировать и выражать общие интересы граждан.

Кроме того, можно отметить невысокую репутацию как политической профессии, так и политической деятельности даже в странах с наиболее развитыми демократическими институтами, где политика и политическое зачастую ассоциируются с коррупцией, ложью, средством для преследования собственных эгоистичных интересов. Политическая деятельность нередко воспринимается и как не имеющая смысла – либо по той причине, что подорвана сама вера в демократические механизмы коллективного решения проблем, либо в силу нежелания прилагать усилия, необходимые для участия, коммуникации и координации совместных действий, либо в силу других причин – например, растущей профессионализации политики, где все большую роль в принятии решения играет экспертное мнение, а центры принятия решений смещаются вследствие глобализации и превращения крупнейших экономических субъектов в центры политической силы и влияния. Даже общественные блага часто становятся зоной ответственности частных корпораций, их производство не предусматривает каких-либо общегражданских механизмов приня-

тия коллективных решений, при том, что общественные блага (по определению) затрагивают интересы всего общества.

С философской точки зрения важность проблематики политического гражданства объясняется не только тем, что оно задает границы и определяет механизмы «народной» политической деятельности, но и в том, что проблемы статуса гражданина, его прав и обязанностей, являются, по сути дела, проблемами справедливости, поскольку именно гражданство определяет условия членства, пакет прав и обязательств, следовательно, напрямую затрагивают основания и способы приписывания людям социальных статусов. Взятое в парадигме распределения, это так называемое «распределение членства» [Walzer, 1983. P. 31]. Действительно, именно распределение членства постепенно становится не только преобладающей темой в философских дискуссиях о справедливости в теоретическом плане, но и приобретает особую актуальность в контексте дискуссий о глобализме и справедливом мировом порядке. Если говорить о справедливости в «парадигме признания», по мнению, например, С. Бенхабиб, это нарушения справедливости, воспринимаемые в культурном ключе. При этом источниками такого рода несправедливости она считает стили общественной репрезентации, проблемы интерпретации и коммуникации [2003. С. 82]. При таком радикальном расширении сферы политического (определяемого через справедливость), политическим становится все то, что таковым начинают считать люди, точнее, группы людей, объединенные по тем или признакам для достижения коллективных целей. Политическое – то, что становится предметом публичного обсуждения, выдвижение и публичное обсуждение различного рода групповых требований и обязательств.

И в том и в другом случае политическое участие, по сути дела, поиск стратегий и способов реагирования на разного рода несправедливости, которые испытывают множество людей во всем мире, несправедливости, которые не являются сугубо индивидуальными, которые фиксируются в публичном пространстве и позволяют группам людей формулировать эти несправедливости в виде требования признания их некоторого общего статуса (гражданина), апеллируя как к национальным, так и меж-

дународным органам. Здесь нужно отметить, что такие проблемы решить чисто юридическим путем невозможно, поскольку имеют место тенденции, при которых такие статусные права уже не могут быть описаны как права меньшинств, как это относительно недавно представлял себе известный канадский политический философ У. Кимлика [Kymlicka, 1995]. Причина в том, что на эти права притязают уже такие субъекты и группы, которые никак не подпадают под определение меньшинств или маргинальных групп.

Как уже отмечалось, существуют две основные парадигмы исследования гражданства – понимание его как статуса и как участия. В первом случае гражданин выступает прежде всего как носитель прав и обязательств, во втором – как участник некоторого коллективного действия по решению тех или иных социальных проблем. Такое толкование политического гражданства представляется весьма эвристичным, однако перенос исследовательского акцента с правового гражданства на политическое поднимает ряд новых проблем, связанных с пониманием самими гражданами политического и политической субъектности, с природой коллективного политического действия и политической коммуникации, с отношением граждан к политике. В общем виде, эту проблематику можно определить через механизм «спроса и предложения» – чего именно хотят граждане от своего политического участия и что им может предложить сфера политического в качестве пространства для решения коллективных проблем?

Одна из важнейших таких проблем – производство общественных благ. Главная особенность таких благ состоит в том, что они не могут быть произведены отдельными индивидами или на основе рыночного механизма. Это именно те области, где рынок обнаруживает свою слабость. Особенностью нашего обсуждения является то, что в число таких общественных благ входят уже не только маяки, чистый воздух, тюрьмы и другие классические общественные блага, но и такие блага, как, например, социальные статусы, «идентичности», права (см.: [Somers, 2008. P. 8]). А так как другой принципиальной особенностью общественных благ является их неделимость, т. е. они предоставляются либо всем, либо никому, то

кажется справедливым и требование равенства в политических обязательствах, или равного бремени. Напомним, что в ставшей классической книге «Логика коллективного действия» М. Олсон утверждает, что с точки зрения инструментальной рациональности (целерациональности) коллективное действие, направленное на достижение коллективного блага, нерационально. Основная идея заключается в том, что если коллективный субъект добивается цели, то отдельно взятый индивид становится выгодоприобретателем независимо от того, принимал он участие в этом действии или нет. Если же действие не достигает успеха, то издержки несут те, кто принимал в нем участие, а уклонисты вновь оказываются в наиболее выгодном положении. Получается, что при любом исходе участие в коллективном действии нерационально [Олсон, 1995]. В основе проблемы лежит то, что иногда называют «трагедией общественного имущества»: «Тяжек жребий того, что принадлежит сразу всем: каждый старается попользоваться этим больше или раньше, чем остальные, нимало не заботясь при этом о соблюдении общих интересов» [Печчеи, 1980. С. 111]. Преодоление разрыва между индивидуальной и коллективной рациональностью приводит к необходимости учета новых переменных, таких как «доверие», «риск», «коммуникация», «обязывающие соглашения», которым не находилось до сих пор места в экономических концепциях рациональности. В более общем виде это возвращает нас к старой проблеме – поиску оснований и способов социальной кооперации.

Стандартный философский ответ таков: инструментальная рациональность – не единственная детерминанта поведения людей. Однако есть ряд свидетельств о том, что опасность «фри-райдерства» на самом деле преувеличена. Так, в ряде работ проанализированы мотивы людей, заинтересованных в деятельности экологических групп, но не принимающих участие с целью установить, было ли «фри-райдерство» причиной такого неучастия (см.: [Explaining Low..., 2007]). Было показано, что мотив рационального уклонения в действительности не играл важной роли в принятии решения отказаться от участия в коллективном действии. Гораздо более важную роль играло наличие / отсутствие ресурсов – в совместных действиях чаще принимали участие бо-

лее образованные и обеспеченные профессионалы, принадлежащие к среднему классу, не имеющие при этом обременительных семейных обязательств.

Другой особенностью политического гражданства (понимаемого как политическое участие) является то, что в последнее время акцент смещается с прав на обязательства, что опять же вызвано тем, что определяющими становятся уже не отношения индивида с государством, а сетевые отношения между (реальными и потенциальными) участниками коллективного политического действия. В данной ситуации акцент на взаимных обязательствах объясняется тем, что при координации совместной деятельности людей важнейшую роль играют доверие, степень и взаимность участия. Гражданский (политический) субъект, таким образом, может трактоваться как субъект деонтологический. Возникает вопрос – каковы те необходимые и достаточные условия участия в политической жизни, которые бы позволяли идентифицировать человека как гражданина? Может ли считаться гражданином тот, кто вообще отказывается принимать на себя обязательства перед некоторым политическим сообществом или манкирует ими? Есть ли у гражданина какие-то особые обязательства, касающиеся участия и обоснования такого участия? Должен ли гражданин поддерживать институты и практики своего локального сообщества (например, отправлять детей в местную школу, даже если ее уровень не всегда высок)? Можно ли, например, обращаться к религиозным аргументам в светском государстве?

Эти два модуса гражданства – как правовой статус, который индивид получает от государства в том случае, если он соответствует заранее определенным критериям, и гражданство как участие можно трактовать в качестве сущего и должного – т. е. именно участие гражданина в политической жизни становится наиболее желаемой и аутентичной формой реализации тех его «статусных» юридических, политических и социальных прав, которые он получает автоматически, в силу соответствия определенным формальным критериям. При этом речь идет не о том, что такие права нужно заслужить своим участием, а о том, что такое участие – это именно желаемая, должная, правильная форма применения этих прав. Аналогичный

подход можно распространить не только на права гражданина, но и на его обязательства. В тех случаях, когда акцент в понимании гражданства переносится, например, на обязанности избирателя, речь не идет о том, что исполнение таких обязательств является условием получения или сохранения статуса гражданина, а о том, что именно такая форма реализации гражданства правильная и должная. Примечательно, что смысл общественного договора многими философами понимался именно как процедура добровольного принятия на себя моральных обязательств по отношению к согражданам, а уже во вторую очередь – как схема некоторого оптимального устройства социальных институтов. Именно так понимал суть общественного договора И. А. Ильин: «Эта идея имеет в государственной жизни свой строгий предел, а именно: он выговаривает основу человеческого правосознания, а не принцип государственной формы. Каждый из нас призван вести себя, как человек, свободно обязавшийся перед своим народом к лояльному соблюдению законов и своего правового “статуса” (т. е. своих полномочий, обязанностей и запретностей). Такого “общественного договора”, о котором пишет Ж.-Ж. Руссо, никогда не было и не будет; и Руссо сам знает это. Но нечто подобное этому должен пережить каждый человек в глубине своего правосознания, налагая на себя (свободно и добровольно) духовно-волевое самообязательство гражданина» [Ильин, 1993. С. 229–230].

По-настоящему серьезной проблема становится в том случае, когда уклонение от социальных обязательств не является осознанным действием. Другими словами, во многих случаях это уже не просто «фрирайдерство», попытка уклониться от участия в производстве общественных благ. Если попытка «не заплатить за проезд» – пример сознательной деятельности, которая выполняется по некоторым (пусть и неверно понятым) канонам рациональности, то понять сами основания совместного общежития, необходимость соблюдать баланс прав и обязательств – проблема гораздо более тяжелая. В новейшей истории одним из первых на нее обратил внимание известный британский социолог Т. Маршалл, автор классических исследований гражданства, который писал: «Если к гражданству апеллируют для защиты прав, то нельзя игнори-

ровать и соответствующие гражданские обязательства. Они не требуют от человека жертвовать личной свободой или беспрекословно подчиняться всем требованиям власти. Но они требуют того, чтобы его действия вдохновлялись живым (*lively*) чувством ответственности за благосостояние сообщества» [Marshall, 1977. P. 9].

Что же означает «политическое гражданство», понимаемое как участие? Используя известную характеристику М. Вебера, можно сказать, что мы, как не профессиональные политики, участвуем в политической деятельности лишь «по случаю». М. Вебер пишет: «Можно заниматься “политикой” – то есть стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри них – как в качестве политика “по случаю”, так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же, как и при экономическом ремесле. Политиками “по случаю” являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например, рукоплещем или протестуем на “политическом” собрании, произносим “политическую” речь и т. д.; у многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике» [1990. С. 652.]. Однако в приведенных примерах очевидно, что М. Вебер имеет в виду прежде всего «вертикальные» политические отношения, т. е. отношения граждан с властными структурами. В то время как политика в последнее время понимается весьма расширительно – не только как отношения людей по поводу власти, но и как отношения по поводу справедливости. В свою очередь справедливость может пониматься двояко – как распределение ресурсов и как борьба за признание идентичности или социальные статусы. Политическое гражданство, таким образом, становится своего рода «точкой сборки» различных идентичностей, действующих спорадически и во многом спонтанно, временных гражданских субъектов, легко и быстро самоорганизующихся, но не через традиционные громоздкие механизмы, такие как политические партии, а через неформальные сети, в первую очередь через Интернет. Подобные группы используют механизмы и возможности политического гражданства как средство для решения «классовых» проблем несправедливости, классовых не в привычном

значении, а в смысле «class action» – коллективного группового действия, своего рода «коллективных исков» к тому, кто, по их мнению, ответственен за ту или иную несправедливость. При этом предполагается, что сфера справедливости в целом совпадает со сферой политического или публичного, а в сфере частного или частного преобладают другие ценности. При анализе связи представлений о сфере «политического» или «публичного» и представлений о справедливости в современном западном либеральном обществе часто подчеркивается, что именно вопрос о границах политического является главным для любой теории социальной справедливости, так как те или иные представления о наиболее справедливой организации общества напрямую зависят от того, как понимается сама сфера политического. Существуют две основные стратегии рассмотрения этой проблемы, одна из которых фокусируется на границах, а вторая на сущности политического. В первом случае сфера политического (т. е. сфера, заведомо регулируемая принципами справедливости) определяется негативным образом – путем исключения из нее всего того, что политическим не является. Главный вопрос формулируется так: какие сферы человеческой жизни вообще находятся вне политики и, соответственно, на них не распространяются механизмы и аргументы социальной справедливости. Нам представляется, что сфера политического и, соответственно, сфера действия справедливости должны пониматься предельно широко, так как не существует областей взаимодействия людей, свободных от конфликта интересов и норм и механизмов справедливости, с помощью которых и происходит разрешение конфликтов в цивилизованном обществе.

Понимание гражданства как (политического) участия дает возможность по-новому представить и понять многие процессы, происходящие в обществе, тематически связать их с такими классическими философскими темами, как справедливость, сущность политического, «общая воля», а также современными постановками проблем, такими как производство общественных благ. Политическое гражданство в таком случае требует от гражданина не только быть носителем соответствующих политических прав, но и своим участием, в сотрудничестве с другими политическими субъектами доби-

ваться превращения этих прав в реальность. Помимо этого, политическое гражданство, понимаемое как совместное решение коллективных проблем, предполагает, что акцент неизбежно будет смещаться с набора фиксированных прав политического субъекта на его обязательства перед другими гражданами, поскольку без такого добровольного и осознанного взаимообязывания невозможно достижение общих целей. Кроме того, в ходе совместного политического участия происходит и формирование политической гражданской идентичности, которая, при соответствующем расширительном понимании политического, вполне могла бы стать родовым понятием для идентичности «расщепленной», проявляющейся в различных ипостасях, таких как идентичность гендерная, экологическая и др.

Список литературы

Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М.: Логос, 2003. 289 с.

Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произведения. М.: Прогресс, 1990. 808 с.

Ильин И. А. Собр. соч.: В 10 т. М.: Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 2. 478 с.

Малахов В. С. Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // Капустин Б. Г. Гражданство и гражданское общество. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2011. С. 7–50.

Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М.: ФЭИ, 1995. 174 с.

Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.

Explaining Low Participation Rates. Participatory Democracy and Political Participation. Can Participatory Engineering Bring Citizens Back In? / Eds. T. Zittel, D. Fuchs. Routledge, 2007. 256 p.

Kymlicka W. Multicultural Citizenship: A Liberal Theory of Minority Rights. Oxford: Oxford Univ. Press, 1995. 296 p.

Marshall T. Class, Citizenship and Social Development. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1977. 334 p.

Somers M. Genealogies of Citizenship. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. 182 p.

Stocker J. et al. Prospects for Citizenship. Bloomsbury, 2011. 280 p.

Walzer M. Spheres of Justice. N. Y.: Basic Books, 1983. 345 p.

Материал поступил в редколлегию 02.07.2012

A. A. Shevchenko

POLITICAL CITIZENSHIP AND POLITICAL PARTICIPATION

The article examines current approaches towards the understanding of citizenship and singles out the main tendencies, such as a shift of focus from treating citizenship primarily as a legal status to understanding it as political participation. The author also describes the key problems related to this shift: collective production of public goods, expansion of the political, understanding the political as a sphere of justice, putting emphasis on mutual obligations related to collective political participation.

Keywords: political citizenship, participation, political sphere, public goods, justice, rights, obligations.